

искусству. Отмечая успехи шведов в области наук, военного дела и промышленности, Феофан указывал на их единодушие, на преданность Карлу XII («что всего есть больше, вси равно и по государе и по отечестве своем ревнующи», 115). Вероятно, это адресовалось к противникам Петра I внутри России, группировавшимся вокруг старинных боярских фамилий и царевича Алексея. Эта оппозиция, как известно, противодействовала политике Петра I и мешала вести победоносную войну. Феофан не жалел сил для разъяснения и пропаганды петровских нововведений, необходимых для победы: он ратовал за создание армии и флота, за строительство военных заводов и крепостей, за печатание книг, за учреждение школ. Старое стрелецкое войско из защитника отечества превратилось в «некую гангрену», его необходимо было заменить «регулярным воинством», «страшной артиллерией». Особенно красноречивыми были проповеди, посвященные разъяснению необходимости создания военно-морского флота. «Мы точно вкратце рассудим, как собственно российскому государству нужный и полезный есть морской флот, — говорил Феофан в «Слове похвальном», посвященном морской победе у острова Гренгам, — понеже не к единому морю прилежит пределами своими сия монархия, то как не бесчестно ей не иметь флота? Не сыщем ни единой в свете деревни, которая над рекою или озером положена и не имела бы лодок. А толь славной и сильной монархии, полуденная и полуношная моря обдержажшей, не иметь бы кораблей, хотя бы ни единой к тому не было нужды, однако было бы то бесчестно и укорительно» (107). Феофан принимал войну как неизбежное зло, она напоминала ему болезнь, и лечить эту болезнь нужно разумно и решительно; воевать на территории противника и, одержав победу, не успокаиваться на достигнутом: «...не меньшая бо слава есть удержати завоеванное, нежели завоевать — давняя есть пословица» (108).

Ревностными пропагандистами петровских побед были Гавриил Бужинский (обер-иеромонах флота, затем архимандрит) и известный иерарх Стефан Яворский. Не всегда разделяя политику Петра I, эти церковные деятели часто сходились в оценке как войны в целом, так и отдельных ее событий. Проповеди этих ораторов строились по устаревшим схоластическим канонам, были оторваны от жизни, отвлечены, насыщены символами, аллегориями, игрой слов и, вероятно, малопонятны большинству слушателей. Так, по поводу Полтавской победы Стефан Яворский произнес три проповеди, все они не содержали никаких конкретных сведений и могли быть отнесены к любой победе, одержанной над противником-иноверцем. Первая проповедь «Рука Христова, Петру Российскому простираемая, похвальным словом всенародне явленна 1709, июля 24» состояла из схоластических рассуждений о значении каждого пальца руки. Вторая — «Камень идола Навходоносорова сокрушивший, то есть Петр Первый, царь всероссий-